

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № VI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Ежедневныя Записки Русской Путешественницы въ 1827 и 1828 годахъ.

(Продолженіе.)

Станція Васино, 2 Июля.

Какъ я рада, что поудосужилась, могу заняться хоть полчаса журналомъ. Мы уже 275 верстъ опѣхали отъ Москвы, много проѣхали городовъ; первый, Можайскъ, ospался у насъ въ споронѣ. Мѣстоположеніе его должно быть прѣкрасное, ибо мы для того именно объѣзжали, чтобъ миновать крупую гору, на которой расположенъ городъ. Когда мы выѣхали изъ Можайской почтовой станціи, начало уже смеркаться; слѣдственно уже проѣхали ночью Бородино; ночь была холодная, темная, и такъ мы лишены были счастья видѣть знаменитыя поля Бородинскія.

Въ Гжатскѣ мы проспояли девять часовъ; папенька занимался бумагами, а я журналомъ. Кваршира у насъ была прекрасная. Гжатскъ первый городъ Смоленской Губерніи; въ немъ приспань, и по этому городъ очень порядочно ошспроенъ; однако же слѣды пашествія Французовъ не совсѣмъ еще изгладились. Мы видѣли много каменныхъ домовъ, преданныхъ запустѣнію. Изъ Гжатска мы выѣхали въ чепыре часа послѣ обѣда. Время спойшъ у насъ прехолодное, совершенная осень, и это въ Іюль мѣсяцъ! Ежедневно перпадающъ дожди; бѣднымъ поселянамъ это очень непріятно, ибо теперь началась уборка сѣна. Когда мы жили въ Молчаповкѣ, шо какъ это, бывало, папеньку безпокоило, — какъ сѣнокосъ, шакъ и дожди!

Вязму мы шоже проѣхали ночью. Вязма прекрасный шорговый городъ; въ шемношъ мы могли шолько различить большіе каменные дома. Нынѣшнюю весну подъ Вязмой были маневры. Императоръ, Цесаревичъ и Великій Князь Михаилъ присушествовали при оныхъ. Мы очень жалѣли, что проѣхали этошъ городъ ночью: ни лагеря, ни укрѣпленій, ни даже Вяземскихъ припиковъ не видали. Каковы же мы молодцы! Одинъ шолько разъ въ сушки ошпанавливаемся, пообѣдаемъ или напьемся чаю, и шакъ

до другаго дня. Для меня въ каретѣ безподобно; я всю дорогу или ѣмъ или читаю. Мнѣ папенька купилъ въ Москвѣ *Потерянный Рай*, Мильмона, и какъ меня занимаетъ эта книга! Часто всѣ спятъ, а я одна, въ упоеніи, въ восхищеніи, сплю по цѣлымъ часамъ.

*Г. Смоленскъ, 3 Юля, Воскресенье,
11 часовъ.*

Мы выѣхали изъ Васинской почтовой станціи во впоромъ часу; до Дорогобужа ѣхали два часа съ половиною. Дорогою папенька и маменька по большей части почивали, а я читала, дремала, ѣла конфеты и глядѣла въ окошко. Мѣстоположеніе Смоленской Губерніи гористое, много лѣсу. Съ шѣхъ поръ, какъ мы придвинулись къ Днѣпру, виды разнообразіе и естъ мѣста прекрасныя. Подъѣзжая къ Дорогобужу, мы увидѣли курганъ, обнесенный рѣшеткою, а вокругъ бапшарей, въ срединѣ креспъ; ямщикъ разсказалъ намъ, что во время Французской кампаніи, одинъ артиллерійскій Полковникъ, командуя ротой, былъ раненъ на этомъ мѣстѣ, и будучи перенесенъ въ Дорогобужъ, умирая, пожелалъ бытъ похороненъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сражался и погибъ за опечество. Прекрасная мысль! Всякій, кто ѣдетъ мимо, вздохнешъ, помолится о немъ и позавидуешь его славной смерти. Въ Дорого-

бужь мы пробыли не болѣе четверти часа, переложили на улицѣ лошадей и отправились далѣе. — Городъ расположенъ по крупному берегу Днѣпра, построень довольно дурно; жилища, кажется, недоспащочны; — вообще по всей Смоленской Губерніи, (исключая Вязьмы и Гжатска), благодаря Французамъ, народъ кажется бѣденъ; мы даже ни одного большаго селенія не провзжали; можетъ быть, они расположены по Днѣпру, а по большой дорогѣ, восемь, десять домовъ, при нихъ почтовая станція — вотъ и селеніе. Въ Дорогобужѣ намъ дали предурныхъ лошадей. Станція была песчаная, гористая; мы пащились шагомъ; подвѣзжаемъ къ крупной горѣ, лошади спали, надо было выйти изъ экипажа. О горѣ! дорого ты мнѣ стоишь; въ какую бѣду я попала! Папенька вышелъ; я спѣшу за нимъ, надѣваю плапокъ, пороплюсь выйти, меня дожидаютъ; слышу, сзади меня что-то капшился, оглядываюсь — фушляръ съ дорожнымъ спаканомъ лепишь по подножкамъ внизъ. Боже мой! какъ я испугалась, сердце такъ и упало! Гляжу на папеньку, онъ не слышалъ спугу; оглядываюсь на маменьку, она тоже не примѣшила. Въ первую минупу и эпо показалось мнѣ счастьемъ. Карешу заперли, на лошадей спали кричашь, погоняшъ; кой-какъ они впанули.

Папенька ушелъ впередъ, а я спую, не знаю, иппи ли мнѣ за карешой, оспапсья ли съ маменькой; наконецъ рѣшилась иппи къ карешѣ, подбѣжала къ дверцамъ, говорю чело-вѣку: „Посмотри, ради Бога, не разбился ли спакань!“ — „Разбился, сударыня!“ — Ахъ, какъ слова эти пронзили мое сердце: кажется, какъ ни сильно бы бранилъ меня папенька, мнѣ не могло бы быть такъ тяжело, какъ въ эту минушу; — я пещерь помню, что когда папенька возвратился, и я должна была объявить ему, что разбила спакань, по мнѣ было даже легче, нежели при сихъ словахъ, ибо шупъ я боялась только за себя, а тогда мнѣ предспавилось, какъ папенька берегъ шпопъ спакань, какъ онъ всегда ему нравил-ся, какъ онъ насъ всегда просилъ, чтообъ мы его не разбили, и шупъ, кто же, я, — я его огорчу, я его лишу вещи, которую онъ такъ берегъ! Вскорѣ папенька возвратился, уви-дѣлъ, что я въ слезахъ, спросилъ, о чемъ я пла-чу; я рассказала ему; папенька не сказалъ ни слова, не бранилъ меня, не упрекалъ, но мол-чалъ и не говорилъ со мною. Хотя я не ожи-дала этого снисхожденія, со всѣмъ тѣмъ это не облегчило моего огорченія. Всю ночь, какъ проснусь, какъ вспомню о спакань, такъ сердце замреть; мнѣ кажется, что всякой ме-

ни упрекнешь, ибо эпошъ спаканъ былъ такъ удобенъ для дороги.

За двѣ станціи отъ Смоленска, мы перѣзжали Днѣпръ на паромѣ. Ночь была свѣп-лая: мѣсяцъ всходилъ. Жаль, что рѣка въ эпошъ мѣстѣ чрезвычайно узка. Мы не долго наслаждались сею величественною карпиною.

Въ Смоленскъ мы пріѣхали въ восемь часовъ утра. Городъ стоитъ на двухъ кру-пныхъ горахъ, при подошвѣ копорыхъ шечетъ Днѣпръ. Едва мы пріѣхали, напшисъ чаю, какъ начали благовѣспшпъ къ обѣднѣ, и мы съ маменькой пошли въ находящійся возлѣ монастырь, и тамъ опслушали обѣдню; въ церкви было очень мало народа. Внутри ико-носпасъ опдѣланъ на самый спаринный ма-перъ. Любопышно бы знать, какимъ обра-зомъ уцѣлѣлъ эпошъ иконоспасъ, ибо Смо-ленскъ былъ сожженъ Французами, и шеперь много видно домовъ обгорѣлыхъ; шные безъ крышъ, спощпъ однѣ спѣны; въ другихъ окошки забраны досками.

Послѣ обѣда.

Пришедъ отъ обѣдни, и одѣвшисъ, мы по-шли поклоншъся Образу Смоленской Божіей Матери. Эпошъ чудопворный Образъ былъ во время опечешвенной войны съ Русскими войсками въ походѣ. Когда мы шшли, шо было пасмурно, но шело. Тракшпръ, гдѣ

мы споемъ, на горѣ; церковь же, въ которой пославленъ образъ, на берегу Днѣпра надъ ворошами, коими въздаютъ въ городъ, ибо Смоленскъ окруженъ каменною стѣною, мѣстами Французами разрушенною. Городъ спроеиёмъ не красивъ, но мѣстоположеніе онаго единственное. Двѣ крупныя горы, изъ коихъ одна покрыва спроеиёмъ; на вершинѣ оной огромный Соборъ, хотя спаринной, но величественной архитектуры; насупротивъ другая гора, покрыва зеленью, и памъ и сямъ разбросанными домами и церквами, — видъ чудесный! Спустившись съ горы, очутились мы у ворошъ, взошли по лѣстницѣ въ прекрасно опдѣланную церковь, опслужили молебень, помолчались съ усердіемъ Заслупницѣ, и опправились домой; но едва сошли съ лѣстницы, какъ увидѣли, что идетъ дождъ; съ полчаса мы спояли подъ сводомъ; наконецъ дождъ спановился менѣ и менѣ, на небѣ прояснѣло, и мы пошли домой; не успѣли однако жъ опойти спа шаговъ, какъ дождъ принялся еще сильнѣе; къ счастью, близко былъ навѣсъ, который послужилъ намъ убѣжищемъ. Но вскорѣ дождъ совсѣмъ переешалъ, и мы возвратились уже домой безъ дальнѣйшихъ препяспствій, исключая маленькой непріятности, всходящъ на крушую гору по каменной, опъ дождей сдѣлавшейся скользкою

жостовой, ибо въ Смоленскѣ нѣтъ пропуаровъ, что для пѣшеходовъ весьма неудобно.

Понедѣльникъ 4 Июля.

Мы выѣхали изъ Смоленска на разсвѣтъ. Городъ обнесенъ каменною стѣною, а вокругъ земляной валъ; съ Варшавской дороги сдѣланъ большой проломъ. Много крови сподилъ Русскимъ Смоленскъ; много слезъ сподило жителямъ сего города сосѣдство ихъ съ Польшей; но никогда не пролило сполько слезъ и крови, какъ въ послѣднюю ужасную борьбу честолюбія съ папріотизмомъ, порабощенія съ великодушіемъ и твердостію. Москва, Гжатскъ, Вязьма претерпѣли много отъ Французовъ, но нигдѣ не оспалось сполько слѣдовъ ихъ нашествія, какъ въ Смоленскѣ! — Тамъ безпреспанно встрѣчаешь признаки сего быспро промчавшагося урагана. Разбитыя городскія укрѣпленія, пустые дома, отъ взрыва разсѣвшіяся стѣны и развалины церквей всюду представляются взору путешественника и возбуждаютъ негодование въ сердцѣ папріота!

Въ Красномъ, послѣднемъ городѣ Смоленской Губерніи, мы имѣли чиспую большую горницу у служиваго старичка, хозяина; напились тамъ чаю, и чрезъ четыре часа оправились. Дождь шелъ почти цѣлый день, но дорога была хороша, и мы ѣхали весело, безъ

умолку говорили, заѣдали разговоры конфетками, вспоминали про Москву, про нашихъ Московскихъ знакомыхъ; кого хвалили, кого хулили; каждый рассказывалъ, что слышалъ оцъ того, или о помѣ знакомомъ; каждый судилъ по своему, каждый хвалилъ того, кто его приласкалъ или болѣе польспилъ его спрашивая. Таково безприсраспное сужденіе всѣхъ слабыхъ смертныхъ, начиная оцъ Историка и кончивъ мною. Часпо, очень часпо я замѣчаю, что вниманіе, мнѣ оказываемое, придаетъ въ моихъ глазахъ цѣну людямъ. — Веселый разговоръ сократилъ дорогу, и мы непримѣнно доѣхали до спанціи. Подъѣзжая къ селенію, увидѣли мы вдали большое деревянное зданіе съ высокою крышею необыкновеннаго покроя; долго не могли мы понять, что это за строеніе. Едва въѣхали въ селеніе, какъ увидѣли толпы Жидовъ, которые въ разноцвѣтныхъ рубищахъ бродили по улицамъ, и догадались, что это была ихъ Синагога. — Мы достигли Бѣлоруссіи, копорая, равно какъ Польша и Липовскія Губерніи, наводнена Жидами. — Переѣздивъ послѣдно лошадей, мы скоро пріѣхали въ мѣстечко Дубровно, принадлежащее Князю Любомирскому. Проскакавъ мимо панскаго дома, который, мимоходомъ сказать, вовсе не великолѣпенъ, проѣхавъ чрезъ торговую площадь,

на которой толпилось безчисленное множество Жидовъ, мы остановились наконецъ у почтового двора, и въ шу же минушу молоденькая, хорошенькая Жидовка въ пунцовой чалмѣ, вышла предложивъ намъ свои услуги. Мы много слышали о плутовствѣ Жидовъ, о ихъ обманахъ, но знали это по слухамъ: намъ недоставало опыта. Мы приняли ея услуги, спросили молока, вина; она намъ всего принесла; мы за все заплатили въ придорога, и все было такъ дурно, что невозможно было употреблять. Бросивъ, молча, ей деньги, папенька закричалъ: „пошелъ!“ — и мы повхали по дорогѣ, освѣщенной съ обѣихъ сторонъ высокими березами. Видъ прелестный! Мы приѣхали въ Оршу въ семь часовъ; надо было опять переправляться чрезъ Двѣпръ. Двѣпръ, священный Двѣпръ! скажи, какимъ образомъ попала я на берега твои? Какимъ образомъ, изъ предѣловъ Саратова или спѣвъ Пешпрограда, гдѣ я, казалось, осуждена была провести дни мои, гдѣ я изучала дѣянiя сыновъ твоихъ, оживленныхъ безсмертною рукою Карамзина, гдѣ я восхищалась величіемъ градовъ твоихъ, гдѣ жаждала счастлиа узрѣшь тебя, рѣка знаменщяя! тебя, носившую на хребтѣ своемъ Ольгу Мудрую, Святослава доблестнаго, Василька великодушнаго, — и я узрѣла тебя, и я прижды неслась по про-

зрачной влагѣ швоей, но видѣ швой не возбудилъ въ сердцѣ моемъ чувства радости; нѣтъ у береговъ швоихъ Князей знаменитыхъ, не покрыто оно швое разноцвѣтными ладьями! Но куда увлекло меня мое воображеніе! Возвращаюсь въ Оршу, въ грязную, несносную Оршу — грязную опѣ двухдневнаго дождя, несносную опѣ Жидовъ. Въ Дубровнѣ мы попышались, и ожглись; не смотря на то, мы опяшь въ Оршѣ вдались въ обманъ; но насъ извинило то, что мы были голодны: такъ мудрено ли, что повѣрили Жидовкѣ, которая выскочила и также начала насъ уговаривать остановиться у нее, увѣряя, что все есть, все готово, чай, кофе, вина, бѣлый хлѣбъ, ужинъ, однимъ словомъ все, что милосливые господа соизволятъ, все къ ихъ услугамъ, мой домъ, моя мебель, мои приборы — извольте получать все даромъ, и будете довольны, будете благодарны, увѣрю васъ. — Мы спросили только супу и жаркаго. — „О, сей-часъ, сей секунду, все готово, уже въ печь!“ — Вошъ, мы и предовольны; повѣрили Жидовкѣ, вошли въ ея великолѣпныя палаты, въ которыхъ, по словамъ ея, останавливался покойный Государь, и гдѣ мы нашли два дивана, нѣсколько ободранныхъ спульевъ и по среднѣ горницы столъ, накрышый салфеткою; шупъ при ложки, одинъ ножикъ и болѣе ни-

чего. Проходишь десять минушь; мы спомимъ, какъ спапуи молчанія или вниманія, устремивъ глаза на пусшой споль; проходишь двадцать минушь; папенька начинаеть перяшь перяньіе; проходишь полчаса и папенька беретъ фуражку и хочеть ѡхавъ. Наконецъ являеться супъ, мы всѣ съ поспѣшностію устремились къ сполу, и что же? Лапша съ бараньими костями, только пеперь водою подлишая; пакая гадость, что глядѣшь шошно. Жаркое было въ пакомъ же родѣ; и пакъ мы, заплашивъ дорого, попереявъ время, должны были ѡхавъ изъ Орши голодные.

Вторникъ, 5 Іюля.

Во Вторникъ упромъ, мы обѣдали на почповой спанціи, верспахъ въ сорока не доѣжая Борисова. Намъ подали кофе, сварили супъ; мы написали письма къ бабушкѣ и пѣменькѣ Ѳедосьѣ Васильевнѣ, и въ претпьемъ часу поѡхали далѣе. Дорогою мы ничего не вспрѣшили примѣчательнаго до самага Борисова, куда мы пріѡхали подъ вечеръ. Городъ самъ по себѣ ничего не значащій, но достопамятннй по переправѣ Французовъ въ 1812 году чрезъ рѣку Березину, текущую разными рукавами на западной споронѣ города. ѡхавъ по мосту, мы говорили про Купузова; предспавляли себѣ его огорченіе, ко-

гда споль превосходно обдуманый планъ не удался, когда исчезли блестящія и основательныя надежды, видѣшь плѣнникомъ въ Россіи того, кто дерзостно впоргнулся въ ея предѣлы, безчеловѣчно разорилъ ея области, обогрилъ кровію поля ея, предалъ огню грады и селы. Но форшуна не хотѣла однимъ ударомъ сверзить кумира своего. Купузову предназначено было изгнать врага, а Благословенному Александрю окончить брань. Судьба хотѣла, чтобъ кропкій Царь выказалъ доблесть свою, дабы Европа и подданные Его возвеличили кропость и смиреніе, и назначили имъ мѣсто превыше воинскаго генія! Форшуна возвеличила Наполеона; никогда никто не пользовался споль долго ея благосклонностію, какъ сей баловень ея, какъ называетъ его Пушкинъ, но шѣмъ разительнѣе было его паденіе, — и когда же? когда казалось, что онъ пріучилъ непостоянницу къ повиновенію, когда уже съ помощію ея достигнулъ прона, когда уже располагалъ судьбою полуміра, когда кровь Цесарей соединилась съ кровью Корсиканца и, казалось, освящала особу похипшителя преспола Бурбоновъ; но часъ суда Божія насталъ.

Среда, 6 Іюля.

Минскъ, губернской городъ, опстоющій въ шестисахъ версахъ отъ Москвы, очень

порядочно опспроенъ и населенъ большею частію Жидами и Поляками; съ этого города мы уже не встрѣчали Русскихъ. Не знаю, какъ называть жителей Могилевской Губерніи, Малороссіяне ли они, или смѣсь Поляковъ съ Русскими? Они говорятъ испорченнымъ Русскимъ нарѣчіемъ; въ Минскѣ жители употребляютъ уже Польскій языкъ, однако жъ умѣютъ попросить на водку по-Русски. Въ Минской Губерніи дорога и лошади прекрасныя, почтари маспера ѣздитъ. Мы пробыли часа при въ Минскѣ, и въ шопъ же вечеръ пріѣхали въ Несвижъ, а къ суткамъ проскакали 180 верстъ; мы бы проѣхали и болѣе, если бъ въ Несвижѣ насъ не задержали: шуда ожидали Великаго Князя Константина Павловича, копорый, бывъ на маневрахъ за 16 верстъ отъ Несвижа, возвращался въ Брестъ, по еспь, ѣхалъ тѣмъ же практомъ, какъ и мы. Изъ Бреста Онъ долженъ былъ проѣхать, для смопря войскъ, въ Волюнь. Это извѣстіе меня очень огорчило, ибо я жаждала видѣть Цесаревича, и считала пребываніе въ Варшавѣ одною изъ пріятнѣйшихъ эпохъ путешествія нашего, ибо надѣялась шамъ часто Его видѣть.

Четвертокъ, 7 Июля.

Получивъ, хопя съ затрудненіемъ, лошадей въ Несвижѣ, и опѣхавъ 50 верстъ, мы

остановились напишья чаю въ селеніи Поломки, ибо съ Минска мы не выходили изъ экипажей, и кромѣ блага хлѣба и сыру, въ цѣлый день ничего не ѣли; попомъ поѣхали далѣе, и во вшоромъ часу пріѣхали въ Слонимъ. Мѣстоположеніе этого городка мнѣ очень понравилось, равно и спроеніе, хопя гошическое, но для уѣзднаго городка очень хорошее, особенно въ сравненіи съ Борисовымъ, Оршей и Краснымъ. Едва мы успѣли остановишья у почтовой станціи, какъ въ ну жѣ минушу карета наша была окружена Жидами съ разными поварами. Они кричали, предлагали, умоляли купишья; шумъ былъ шакой, что въ каретѣ едва можно было разобрать, что говоришья. Мы купили большую корзинку вишень, увѣрили, что намъ ничего болѣе не нужно, но съ Жидами не скоро развяжешья: одинъ приносилъ очки, другой показывалъ кольца, ножницы, прешья подчивала шоколадомъ; папенька просилъ, кричалъ на почпальона, наконецъ захлопали бичами, и мы ускакали опъ неопвязчивыхъ Евреевъ.

Опѣхавъ верспъ десять, мы остановились у корчмы, чтобы поѣсть вишень; надо было ихъ вымышья. Мы вышли на крышое чистое крыльце корчмы, гдѣ спояла дубовая скамейка, велѣли принести воды, а сами съли опдохнуть. Когда же принесена была вода,

по мы начали, кто обрывать стебельки, кто перемывать, кто приготавливать посуду. Вымыли, прибрали все, съели въ карепу и сокращали дорогу вишнями, которыя показались намъ вкуснѣе ананасовъ, ибо служили вмѣсто прохладительнаго питья. Вечеромъ мы перемѣняли лошадей въ мѣспечкѣ Ружанахъ. Тутъ все готово было для принятія Великаго Князя; однако жъ мы получили лошадей безъ затрудненія, заплашили только лишнихъ прогоновъ на двѣ лошади. Эту участь мы имѣли по всей Гродненской Губерніи. Мы проѣхали Россією 1400 верстъ, и ѣхали по грязи, по горамъ, по пескамъ, нигдѣ не запрягали болѣе шести лошадей; въ Гродненской же Губерніи сначала заспавляли насъ брашъ семь, шамъ восемь, наконецъ десяти лошадей; это чрезвычайно досаждало папенькѣ.

Мѣспечко Ружаны принадлежишь Князю Сапѣгѣ. Я рѣдко видѣла домъ, столь мило поставленный: на высокой горѣ, предъ нимъ терраса, а по полугорѣ прелестно разбросано строеніе, перемѣшанное съ зеленью; насупрошивъ Каполическая церковь, съ лѣвой руки равнина, и въ отдаленіи темный на горѣ лѣсъ, а съ правой мѣспечко съ рапушею, церквью и бѣлыми спѣнами, закрывающими неопрянность Жидовскихъ домовъ. Пока переключивали лошадей, папенька взялъ меня

съ собою, и мы ушли впередъ. Большая дорога шла мимо Кнежскаго дома изъ воротъ, на конхъ вензель Князя Сапѣги не совсѣмъ еще изгладился. Видъ на дворъ величественный, но во внушенности двора все предано запускѣнью. Домъ странной архитектуры, по видимому, необитаемъ. У крыльца стоить будка, по сторонамъ двѣ галлерей, изъ конхъ одна совсѣмъ развалилась, другая безъ оконъ. На крышахъ и трубахъ еще кой-гдѣ блестятъ жести, но дворъ поросъ весь правою; въ саду посѣяна рожь, а у крыльца великолѣпнаго зданія сидитъ старая кресельница съ прямою, вмѣсто прелестной Княжны или ловкой Каспелянши, которая, въ опускствіе пана, должна бы завѣдывать замкомъ.

Пятница, 8 Июля.

Я спала крѣпкимъ сномъ, когда мы въѣзжали въ Пружаны; кто-то нечаянно меня толкнулъ; я проснулась, и слышу, что повпоряютъ имя Великаго Князя. Я вскочила и спрашиваю у маменьки, про что толкуютъ. „Какъ?“ сказала маменька: „развѣ ты не слыхала, что Великій Князь будетъ сюда въ десятомъ часу. Мы должны дожидаться Его проѣзда, или нанять извозчиковъ до Бреста.“ Въ эту минуточку человекъ отворилъ двери, и мы вышли на кварширу къ Жиду, то есть, вошли въ лачугу, гдѣ ни сѣсть, ни

спать, ни прислониться нельзя: вездѣ сорь; все нечисто, все въ грязи. Лошадей нѣтъ. Великій Князь чрезъ нѣсколько часовъ будешь въ городъ; мы можемъ его увидѣть, — сколько побужденій оспашься, одѣнься, наглядѣться на Цесаревича, и вслѣдъ за Нимъ ѣхать на почтовыхъ въ Брестъ. Папенька и хотѣлъ такъ сдѣлать, но едва подходилъ къ спѣнѣ или взглядывалъ на полъ, какъ желалъ бытъ за тысячу верстъ отъ этого неопрятнаго жилища. Послали нанимать лошадей, но не зачѣмъ было далеко ходить: мы сподли у Жиды, а Жидъ готовъ на всѣ дѣла, ибо вездѣ надѣется получить барыши; и такъ этотъ Жидъ пошчасъ смасперилъ намъ фурмана, осмерикъ лошадей; получилъ половину денегъ впередъ, и остался предоволенъ, да и мудрено ли? ему удалось обмануть. И такъ мы выѣхали въ девять часовъ изъ Пружанъ; едва выбрались за городъ, какъ лошади побѣжали, попомъ поскакали, и наконецъ вдругъ бросились въ сторону. Кареша попала въ канаву, къ счастью, что обоими передними колесами вдругъ. Насъ выпустили, лошадей распушали, карешу осмопрѣли: къ удивленію и радости нашей, она была дѣла; мы отбоярились однимъ испугомъ. Это приключеніе удостоверило насъ еще болѣе, что слова Жидъ и плутъ — синонимъ! Что же сдѣлать нашъ

Пружанскій хазяинъ, услышавъ, что намъ нужны лошади? Онъ поспѣшилъ побѣжалъ по городу, набралъ нѣсколько клячей, и привелъ ихъ на дворъ. Когда же ихъ забраковали и мы рѣшились уже переждать Великаго Князя, то онъ побѣжалъ опять и вскорѣ возвратился, ведя за собою чепырежъ спашныхъ лошадей, и объявилъ папенькѣ, что Богъ ему послалъ фурмана. Лошади были хороши, цѣна довольно сходная, и такъ мы наняли его до Бреста. Когда же споргъ былъ конченъ и зашапокъ отданъ, то папенька узналъ, что это былъ совсѣмъ не фурманъ, а господскій челоуѣкъ, котораго велъ къ господину своему лошадей изъ деревни въ Гродно; подлый Жидъ встрѣтивъ его въ городѣ, и уговорилъ оставить господскую бричку у него, а самому наняться отвезти насъ, и куда и какъ отвезти — за сто верстъ по глубокому песку, съ чепыремъ другими клячами, изъ которыхъ каждая едва передвигала ноги; такъ вотъ на что Жиды способны: — соврашивъ молодого малаго съ пуши, заславивъ его сдѣланъ безчестно дерзкой поступокъ — для Жидовъ ничего не значить, лишь бы сорвать гроши.

Никогда еще не ѣздила я по такой песчаной дорогѣ, какъ эти двѣ спашни. У Пружанъ песокъ былъ по спашницѣ. Бѣдныя конныя лошади почти одиѣ вези, ибо передъ

нія едва несли поспромки. Признаюсь, я давно не дѣлала такого упоминательнаго путешествія. Жаръ былъ нестерпимый; мы проѣхали въ пять часовъ десять верстъ, наконецъ въ прѣпьемъ часу пріѣхали на станцію; остановились въ дурной корчмѣ, которая однако жъ показалась намъ прекрасною, ибо въ ней не было нестерпимаго жару, и не слышалъ было однообразнаго крику ямщика, коимъ понуждалъ онъ лошадей своихъ. На почтовой станціи намъ сварили супъ, картоплю, яицъ, подали кислаго молока, и мы пробыви шупъ до семи часовъ вечера. Эту жертву сдѣлалъ папенька для меня, дабы показать мнѣ Цесаревича, котораго ежеминутно ожидали изъ Пружанъ, и котораго наконецъ прібылъ въ исходѣ шестаго часа. Я болѣе четверти часа стояла у Его коляски, не сводила съ Него глазъ; мнѣ хотѣлось изучить черты Его и запечатлѣть ихъ навсегда въ моемъ сердцѣ; мнѣ хотѣлось, чтобы физіономія Его врезалась въ моей памяти столь же глубоко, сколь уваженіе, которое я питаю къ Его безпримѣрному въ лѣтописяхъ міра великодушному поступку. Онъ ласково намъ поклонился, долго сидѣлъ въ коляскѣ, какъ бы предчувствуя, что Онъ чрезъ то доставляетъ мнѣ неописанное удовольствіе; наконецъ, когда уже лошади были готовы, Онъ

вышелъ на почповую станцію, приказалъ узнать, кто мы, опять съ нами раскланялся и отправился далѣе. Вскорѣ поѣхали и мы. Горемычное путешествіе наше до города Кобрина (25 верстъ) продолжалось шесть часовъ. Мы не ѣхали, а ползли; пески были все также глубоки, и мы насилу припащились въ полночь въ Кобринъ. Содержатель почты сказалъ, что онъ чрезъ часъ ожидаетъ лошадей, опвезшихъ Цесаревича, и предложилъ выйти къ нему отдохнуть. Мы велѣли подать чаю; между тѣмъ лошади возвратились; имъ дали отдохнуть, и въ четыре часа мы выѣхали.

Сегодня бабушкино рожденіе; что-то она голубушка, здорова ли, спокойна ли? Да благословитъ ее Господь на сей новый годъ ея жизни!

9 и 10 Июля.

Въ Субботу, въ 8 часовъ утра, пріѣхали мы въ Брестъ-Литовскій; и такъ мы уже достигли границы. (До Варшавы оспалось 200 верстъ, до Дрездена 700 верстъ.) Мы здѣсь нашли хорошенькую кварциру, при чистенькія горенки. Мы умылись, одѣлись, пообедали, поакомшились, поспали, однимъ словомъ, выхолились и отдохнули за десятидневное путешествіе наше отъ Москвы. — Мы еще заспали Великаго Князя въ Брестъ. Онъ

пробылъ здѣсь цѣлый день, и вѣдѣлъ описюда въ Тирасполь, пограничный Польскій городъ, который на вѣснихъ дняхъ выгорѣлъ; 70 домовъ превращены въ пепель. Говорили, что такое большое число сгорѣло отъ странной исправности пограничнаго Надзира-теля, который не хотѣлъ впустить безъ паспорта пожарныхъ трубъ, прискакавшихъ изъ Бреста для потушенія огня. Между тѣмъ, пока у заспавы спорилъ онъ съ Польскіймейстеромъ, несчастный городъ оставался безъ помощи, и пожаръ пакъ усилелся, что едва уцѣлѣла преть домовъ. Мы не вытерпѣли опять сходяще поглядѣть на Цесаревича, дожидались Его у параднаго мѣста. Онъ выѣхалъ изъ Бреста въ восемь часовъ вечера. Меня утѣшилъ Бонпанъ, Архиллерійскій Генераль, сопровождающій Его, сказавъ, что Великій Князь непременно возвратится въ Варшаву чрезъ недѣлю. Въ Субботу была папенькѣ неожиданно пріятная встрѣча съ В. П. К.

Проводя Великаго Князя, мы ходили по городу и зашли въ садъ, гдѣ продаются вишни, которые здѣсь чрезвычайно дешевы. На рубль намъ дали полную корзинку испанскихъ вишенъ. Здѣсь Жиды служатъ чичеронами. Жалкій эпошь народъ изъ кожи лѣзетъ, чинобъ доспавать себѣ хлѣбъ безъ ра-

боты! Тунеядцы—паскаются цѣлый день изъ угла въ уголъ. Въ Субботу я думала, что они ходяшь взадъ и впередъ поному, что у нихъ шабашъ, но на другой день увидѣла точно такое же множество на улицахъ и на перекресткахъ; вездѣ кружокъ Жидовъ. Жены ихъ, хотя такія же неопвязчивыя и бранчивыя, какъ и они, но по крайней мѣрѣ Жидовки поопряжнѣе и изъ нихъ много хорошенькихъ. Я здѣсь на нихъ видѣла прекрасный головной уборъ. Двѣ прямыя лопаски, вынизанныя жемчугомъ, положены на опкосъ на головѣ, только спереди и сзади на чешыре пальца оставлено пустое мѣсто: это дѣлаеть прекрасный видъ и придаетъ красоты лицу.

Не оставивши предѣловъ Россіи, мы уже шесть дней не встрѣчали Русскихъ. Вчера были въ полковомъ госпиталѣ у обѣдни, и тамъ только опвели душу, услыша родные звуки. На два года оставляемъ мы любезное отечество наше, два года будемъ мы между народами чуждыми! Гдѣ сердцемъ опдохнуть, когда гроза найдетъ, говоритъ Русская пѣсня, гдѣ найши друзей на чужбинѣ? Вся ласкають, принимають, но нѣтъ любви, не грѣють души ласки иноземныя, не привѣщивово звучать ихъ звуки чуждые. Какъ солнце зимнее не грѣеть, какъ вѣсперъ южный не прохладаетъ, такъ ласки ихъ не радуютъ!

Нѣтъ участія въ ихъ привѣтствіяхъ, нѣтъ любви въ ихъ разговорахъ!...

О Россія! О священная родина! Я оставляю тебя, но сердце мое навсегда да будетъ погребено въ твоихъ предѣлахъ.

Понедѣльникъ, 11 Юлль, 7 часовъ утра.

Въ двѣнадцать часовъ мы ославляемъ Бреспъ. Упопроблю свободную минуточку, чпобъ сдѣлать краткое обозрѣніе Губерній, видѣнныхъ нами въ проѣздѣ изъ Москвы до Бреста.

Съ Московскою граничитъ Смоленская Губернія, о которой я выше уже сказала, чпо она показалась мнѣ очень мало населена, хотя по Географіи въ ней народонаселеніе многочисленнѣе Московскаго. Не знаю, нашествіе ли Французовъ причиною примѣченнаго мною малолюдства, или удаленіе сель оцъ большой дороги. Мѣстоположеніе во многихъ мѣстахъ прекрасное: безпреспанные пригорки, роци и часто вдали бѣлюющіяся развалины домовъ представляютъ взору путешественника пріятный ландшафтъ. — Могилевская же Губернія, напрошивъ, безлѣсна и неплодоносна. Жители бѣдны, почва земли песчаная, но дорога пріятная, ибо березовыя аллеи идуць по обѣимъ сторонамъ большой дороги. — Въ Минской Губерніи встрѣчаешь

обработанныя поля, на дорогъ безпрестан-
ныя корчмы; въ селеніяхъ и мѣстечкахъ до-
мы всѣ выкрашены бѣлымъ, что придаетъ
имъ видъ опрятности, копорал опнюдь во
внутренности не существуетъ, ибо Жиды
чрезвычайно нечистоплотны, не смотря на
то, что законъ ихъ предписываетъ опря-
тность. — Гродненская Губернія покрыта не-
обыкновенными песками. Часто встрѣчаешь
мѣша, на копорыхъ не только хлѣбъ, даже
кустарники не произрастаютъ. Липовцы со-
ставляютъ здѣсь хлѣбопашцевъ, Поляки дво-
рянство, а Жиды купечество; вся торговля
и ремесла въ ихъ рукахъ.

Тотъ же день.

Мы двое сутокъ пробыли въ Брестѣ,
во-первыхъ для того, чтобы отдохнуть и
промыть глаза, а главное для промѣна денегъ.
Московскій банкиръ Ценкеръ адресовалъ па-
пеньку къ своему здѣшнему коммиссіонеру
Люблинеру; эпощъ Люблинеръ Жидъ, старый,
богатый, и фигуροю истинный Фарисей, какъ
назвала его маменька. Сегодня упрощъ при-
слалъ онъ своего конпорщика къ папенькѣ, и я
сдѣлала его *ороскопъ*. Я пророчу, что со вре-
менемъ онъ будетъ великимъ банкиромъ, ибо
въ 24 года онъ знаетъ правильно Нѣмецкій
и Польскій языки, выучился почти самоуч-
кой по-Русски; почеркъ прекрасный, спилъ

очень хорошиі, и, что въ Жидѣ еще необыкновеннѣе — фizioноміа прівлекательна! — Старый Люблинеръ былъ намъ очень полезенъ при Таможнѣ; онъ сдѣлалъ, что въ сундукахъ нашихъ не рылись, а удовольствовались честнымъ словомъ, что у насъ нѣтъ Турецкаго шабаку и прочихъ запрещенныхъ поваровъ.

Рѣка Бугъ составляетъ границу между Россіею и Польшею. Когда мы взѣхали на пограничный мостъ, таможенный чиновникъ опворилъ высокія ворота, а паценька закричалъ намъ: „Молишесь, молишесь! мы выѣзжаемъ за границу.“ Мы начали креститься; каждый просилъ Господа, чтобъ Онъ сподобилъ благополучно возвратиться въ отечество, и съ тѣмъ же спокойнымъ духомъ узрѣлъ предѣлы Россіи, съ какимъ спокойствіемъ и удовольствіемъ мы достигли границы. Между тѣмъ воспоминаніе о родныхъ и друзьяхъ глубоко пронудо каждого; къ сему присоединилась мысль о счастіи, которыми наслаждались мы въ недрахъ добраго отечества нашего, и я заплакала слезами дань благодарности мапущкѣ Россіи за 18 лѣтъ счастія, которое я съ рожденія безпрерывно вкушала.

Конецъ первой части.

(Продолженіе будетъ.)

М Е Д И Ц И Н А.

Н О В О Е В Р А Ч Е В А Н І Е В Ъ Г Е Р М А Н І И , И Л И У Ч Е Н І Е О М Е О П А Т І И .

(Окончаніе.)

Мы теперь приступимъ къ раскрытію втораго заключенія теоремы главнаго ученія Омеопатіи. Поелку въ врачеваніи болѣзни надобно употреблять только тѣ лекарства, которыя способны производить симптомы однородные съ прежде существовавшими, слѣдовательно сіи лекарства будутъ дѣйствовать на температурнѣ, предрасположенный къ симъ припадкамъ; а какъ сила лекарства выразительнѣе, нежели сила естественной болѣзни, то по сему самому наималѣйшая часть лекарства достаточна, чтобы дѣйствовать надъ сложеніемъ пѣла, такимъ образомъ предрасположеннымъ. Легчайшее увеличеніе болѣзни, посредствомъ способовъ чисто лекарственныхъ, составивъ искусственную болѣзнь, довольно сильную, чтобы исправительно обнять естественную болѣзнь и ее уничтожить, и чѣмъ легче будетъ сія искусственная болѣзнь, тѣмъ удобнѣе она усилитъ дѣйствію жизненнаго начала.

Изъ сей теоріи происпекаетъ необходимость малыхъ приемовъ; но практическая форма, выводимая изъ сего заключенія, составляетъ найдостойнѣйшую примѣчанія часть всей системы Ганемановой, и она наиболѣе возбудишь легковѣріе чистателя. Шагъ за шагомъ шествуя въ своихъ уменьшеніяхъ, основатель Омеопатіи принялъ пропорціи досель невѣдомыя, и которыя покажутся невѣроятными. Милліонная часть грана составляетъ еще обыкновенный приемъ; но иногда его дробленія снисходятъ даже до билліонной, триллионной и даже дециллионной части грана; описывая приготовленія, мы дадимъ понятіе яснѣе о сихъ предписаніяхъ. — Предположимъ, что медикаментъ принадлежитъ къ царству животному; онаго возьмемъ одинъ гранъ, и если можно, въ видѣ порошка, и въ продолженіе цѣлаго часа расширяють его съ 99-ю гранами молочнаго сахара; послѣ берутъ гранъ сей смѣси, который во второй разъ расширяють съ другими 99-ми гранами молочнаго сахара, такъ что всякій гранъ сей второй смѣси содержишь только десяти-тысячную часть первоначальнаго грана; прешье расширение уменьшишь пропорцію до милліонной части; шестое до билліонной, и такъ далѣе, если разсудишь за благо продолжишь раздробленіе. Въ меркуріальныхъ препаратахъ,

одинъ грань чистой ртути приводится такимъ же способомъ въ миллионную степень; одинъ грань порошка, такимъ образомъ добытаго, разводится въ 99. капляхъ спирта, одна капля сего раствора смѣшивается вновь съ 99 другими каплями спирта, и такое же повтореніе сего производства доводитъ смѣсь до билионной степени; нѣсколько кусочковъ сахару величиною въ маковое зерно, обмоченныхъ въ сей жидкости, составляютъ пріемъ. Невозможно было, по испитію, найти способъ врачеванія пріятнѣе сего (*). Но поглощеніе сихъ малыхъ дробей лекарства не всегда даже починается нужнымъ; когда употребляется магнитъ, однимъ только прикосновеніемъ производится дѣйствіе лечебное. Во многихъ случаяхъ Ганеманъ предписываетъ ограничить себя только нюханіемъ спялки, въ которой находится шлюми; и даже, судя по нѣкоторымъ намѣкамъ, которые кой-гдѣ встрѣчаются, онъ, кажется, думаетъ, что нѣкоторые медикаменты могутъ быть приняты однимъ зрѣніемъ, подобно тому, какъ нѣкоторые пайновѣдцы (адепты) понимаютъ музыку.

(*) Ганеманъ увѣряетъ, что молочный сахаръ и винный спиртъ, при соединеніи съ употребляемыми имъ веществами, уже сами по себѣ не имѣютъ никакого лечебнаго свойства.

Если бы мы даже убавили, изъ сего ученія о безконечно малыхъ приемахъ, сіи послѣднія сумасбродства, оспалось бы еще довольно для того, чинобы поспавинь въ шупикъ всѣхъ спраспныхъ любипелей чудеснаго. И по сему-по самому пропивъ сей части сисеиемы Ганемановы пропивники направили выходы, самыя оспрыя и наизабавнѣйшія, или аргуменны самыя основательнѣйшіе. Шупливый Докпоръ Саксъ, изъ Кенигсбергскаго Университета, говоритъ, чю Медикъ Омеопатистъ съ своими малыми дозами можетъ бытъ сравненъ съ извоцикомъ, который хотѣлъ бы впрятъ бабочку, и везти кладъ чепырехъ лошадей. — Другой пропивникъ замѣчаетъ, чю ежели децимліонная часть грана имѣеть какую цѣлительную дѣйствительность, то унція, брошенная въ Женевское озеро, достачочна была бы для врачеванія всѣхъ Кальвинистовъ въ Швейцаріи. Но на сію шупку разсудили отвѣчать серіозно: 1-е) чю ни малѣйшаго нѣтъ сходства между ними степенями сравненія; 2-е) чю масса жидкости въ озерѣ не могла бы, даже при жесточайшей бурѣ, совокупиться съ лекарствомъ столь тѣсно, какъ пребуоуть того омеопатическія правила. Наконецъ предпоспавили Ганеману собспвенныя его пропиворвчія. Кажется, чю въ 1797 году, онъ въ

одномъ сочиненіи говорилъ о чудесныхъ дѣйствіяхъ боба Святаго Игнація, (ignatia amara) въ эпидемической горлячкѣ, распространявшейся на реблѣхъ, которыхъ онъ лечилъ, давая имъ по два грана, когда они были моложе прехъ лѣпъ, и опть двухъ до прехъ грановъ, когда имъ было опть семи до десяти лѣпъ, и возобновляя сіи приемы каждыя полсупки; а теперь онъ почелъ бы достапочнымъ приміонную или квадриліонную часть грана, и пакъ онъ теперь могъ бы врачевать жипелей всей солнечной системы пѣмъ количествомъ, которое онъ прежде давалъ грудному младенцу. Такимъ же образомъ Ганеманъ прежнихъ временъ въ ревматизмахъ давалъ по тридцати и сороку грановъ камфоры всякія супки, а въ теперешнюю его практику надобно бы создать новую вселенную для израсходованія такого большаго количества.

Но обвиненіе въ противорѣчїи не составляетъ непреложнаго аргумента. Было бы нелѣпо предположить, что если человекъ ошибся одинъ разъ, то онъ долженъ и всегда ошибаться. Впрочемъ очень естественно, что сіе странное ученіе безконечно малыхъ приемовъ встрѣшило оспоривателей и невѣрующихъ. Что до насъ касается, мы и сначала зрѣли въ ономъ нолько новый резуль-

папъ того химерическаго направленія ума, которъй овладѣлъ всѣми отраслями Философіи и Словесности въ Германіи, или, по крайней мѣрѣ, почитали его способомъ, употребляемымъ Ганеманомъ, привлечь на себя общее вниманіе спранными своими парадоксовъ.

Но посмотримъ, что говоритъ основатель Омеопатіи въ свою защиту. Онъ начинаетъ ссылкою на факты, и замѣчаетъ, что нелѣпо было бы оспаривать то, что подтверждается ежедневно опытною; послѣ чего онъ пышается дать нравственно разсудительное истолкованіе своего необыкновеннаго ученія. По его словамъ, невѣрящіе не довольно обращаютъ вниманія на погрѣшеніе и преніе, употребляемыя въ омеопатическихъ препаратахъ. Врачебныя вещества, посредствомъ сихъ жестокихъ сопряженій, получаютъ не токмо многочисленныя измѣненія, но приобрѣтаютъ даже чудесное развитіе силы. Всякъ, говоритъ онъ, можетъ самъ собою дознать удивительное дѣйствіе пренія. Крестьянинъ, раскурившій трубку посредствомъ кремня и куска спали, не можетъ себя дать опчеша о той силѣ, каковую его высѣканіе огня произвело въ веществахъ, имъ въ соприкосновеніе приведенныхъ; но съ микроскопомъ, и даже простымъ глазомъ, можно

усмотрѣвъ маленькія часпицы спали распленными, что доказываетъ, что при высканіи, удареніемъ кремня объ спаль, раскрылся жаръ въ 3000 градусовъ по Фаренгейшу. Простое преніе доспапочно извлечь скрытую внутреннюю теплоу; симъ-то способомъ достигли до нагрѣванія комнаты, скорымъ преніемъ металлическихъ пластинъ одну о другую. Рогъ, кости просныя и слоновыя и нѣкопорыя другія вещества, неимьющія ни какого запаха въ опдѣленномъ положеніи, испускаютъ очень сильный запахъ при преніи. Другія измѣненія въ свойствахъ веществъ еще прямѣе подходятъ на подкрѣпленіе системы Ганемановой, и также имъ означены. Онъ упоминаетъ о разныхъ веществахъ, неудобно растворяющихся въ жидкости при обыкновенномъ ихъ положеніи, но копорыя, бывъ распершы въ порошокъ, приводятся въ растворимость въ водѣ или спиртѣ. Темнаго цвѣта жидкость чернильной рыбы (seria), въ своемъ первоначальномъ видѣ, распускается только въ водѣ, но послѣ омеопатическаго приготовленія равномерно расходится и въ спиртѣ. Магnezія, мраморъ и другія извеспковыя вещества, бывъ подвержены таковому приготовленію, дѣлаются совершенно растворемы, а прежде сего никакъ не могли бы разойтись ни въ спиртѣ,

ни въ водѣ. Ганеманъ выдаетъ себя за пер-
ваго наблюдателя сихъ химическихъ фактовъ;
но онъ гордился болѣе тѣмъ средствомъ,
которое онъ изъ сего извлекъ для Науки вра-
чеванія, удостовѣряя по значительное уве-
личеніе силы, каковое получаютъ медикамен-
ты отъ пренія и размѣшиванія, надъ ними
производимыхъ. Сіе увеличеніе силы споль
могущественно, что капля дрозеры (*drosera*)
(*), данная младенцу, одержимому коклю-
шемъ, можетъ быть опасною для его жизни,
если сія капля разжижена до тринадцатой
степени, и двадцать разъ взбалтываема при
каждомъ разжиженіи, а напротивъ того,
если взбалтываніе повторяемо будетъ толь-
ко два раза, одна пилюля сахара, обмочен-
ная въ сію жидкость, разжиженную до 30
степени, производитъ совершенное исцѣленіе.
Сіе по крайней мѣрѣ есть способъ, кото-
рымъ Ганеманъ исполковываетъ силу своихъ,
безконечно малыхъ пріемовъ.

Но сколь ни правдоподобно сіе исполкова-
ніе, мы очень чувствуемъ, что оно не до-
статочно, и что необыкновенныя теоріи не
могутъ иначе быть поддержаны, какъ совер-
шенно признанными фактами. И такъ, воз-
вращаясь къ методѣ Аристотеліанской, той,

(*) *Ros solis*, солнечная роса.

которую самъ Ганеманъ назначилъ лучшимъ средствомъ испытать его систему, мы приступимъ къ обзорѣню того, имѣютъ ли выгоды сей системы споручительство въ досповѣрныхъ излеченіяхъ. Въ Архивахъ Омеопатическаго Врачеванія. (*Archiv für die Hom. Heilfunst*) находятся выведенными множество исцѣленій; но, по причинамъ слишкомъ явнымъ и неизмѣющимся надобности ихъ означать, мы будемъ довольствоваться малымъ числомъ событій, нами самими разсмотрѣнныхъ, или такихъ, за которые ручаются не только люди, къ медицинскому званію принадлежащіе, но даже особы чиновныя и оплично свѣдущія: въ Австріи и Саксоніи, двухъ спранахъ Германіи, гдѣ новое сіе ученіе наиболѣе въ довѣріи.

Въ маломъ Богемскомъ городкѣ Сенфенбергѣ ужасная болѣзнь кроваваго поноса (*disenteria*) производила ужасныя опустошенія. Обыкновенныя медицинскія средства щещино были употребляемы для прегражденія распросстраненія оной болѣзни. Опчаявшись въ семь дѣлъ, испытывали омеопатическіе препараты съ мгновеннымъ и единообразнымъ успѣхомъ. Барона фонъ Сенфенберга егеръ, казалось, близокъ былъ къ испущенію духа; ему дали нѣсколько омеопатическихъ пилюль, на завпра же онъ сошелъ съ постели и былъ

на ногахъ, а на другой день онъ уже съ ружьемъ шнырялъ по лѣсу, тогда какъ, по предсказаніямъ его первыхъ Медиковъ, въ сей самый день онъ долженъ бы былъ лежать въ гробъ. Одинъ рѣшительно невѣровавшій, бывъ свидѣтелемъ сего событія, поспѣшь сдѣлался приверженцемъ новаго ученія. Нѣкто, Богемскій дворянинъ, имѣлъ родъ самой опврашивельной проказы, соединенной съ совершеннымъ распройсвомъ пищеварительныхъ способностей. Медики объявили объ немъ, какъ о неизлечимомъ, и мы видали въ Англіи, что сего рода болѣзни были также признаваемы паковыми же; однако же послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ омеопатическихъ лекарсивъ и діетъ, совершенно уничтожились всѣ признаки болѣзни, и больной достигъ верха блаженства человѣческаго, не чувствуя болѣе, чтобы у него былъ желудокъ. Сынъ одного очень извѣснаго въ Лондонѣ Баронета пріѣхалъ на твердую землю совершенно умирающимъ (*moribundus*). Его пѣлосложеніе казалось изнуреннымъ отъ дѣйствій мозговой горячки. Онъ испыталъ множество Медиковъ, множество лекарсивъ, и множество минеральныхъ водъ, но безъ всякаго успѣха. Онъ обязанъ своимъ исцѣленіемъ Омеопатіи, и чувствуетъ живѣйшую благодарность къ одному изъ своихъ пріятелей, убъ-

дившему его испытать сихъ лекарствъ. Директоръ Театра въ Прагѣ имѣлъ чепырехъ дѣшей больныхъ заваломъ въ горлъ, крупомъ; одинъ умеръ; двое были излечены по правиламъ Медицины (*secundum artem*), но и по послѣ многихъ горестныхъ хлопотъ и долгого времени; чепвертый же былъ врачеванъ омеопатически, и излеченъ въ одни супки (*). Сего самаго Директора жена излечилась отъ другой болѣзни, также омеопатическими предписаніями, и онъ съ помоспа своего Театра изъявилъ свою признапельность Доктору Леве, ее пользовавшему. Лейпцигскій знапный купецъ имѣлъ застарѣвшую боль въ желудкѣ; въ привычку превращившійся запоръ, опрыжки, расположеніе къ рвопѣ, какъ скоро употребить какую пищу, были еще самыми милоспивыми признаками сей болѣзни. Послѣ перваго омеопатическаго приема, предписаннаго Докторомъ Гаршлаубомъ, болѣзнь начала уменьшаться; сіе излеченіе продолжалось съ возрастающимъ успѣхомъ, и сей купецъ шеперь споль же здоровъ, какъ и всякой другой здоровый человекъ въ Саксоніи. Если бы мы описали всѣ подробности, по

(*) Для сей опасной болѣзни, омеопатическое предписание: 1-е люпикъ (*aconitum*) всякіе шесть или 12 часовъ; 2-е губка (*spongia*) каждые чепыре дня.

сіе исцѣленіе показалось бы не менѣ замѣчательнымъ, какъ и описанное Докторомъ Гранвилемъ.

Фельдмаршалъ Князь Шварценбергъ, особа слишкомъ значительная, чѣмъ можно было изъ него сдѣлать игрушку, когда совѣщался съ Докторомъ Маренцеллеромъ, который тогда врачевалъ въ Прагѣ, сей Медикъ, въ доказательство преимуществъ новой, имъ принятой системы, указалъ ему до сна исцѣленій, имъ въ семь городѣ совершенныхъ. Маренцеллеръ теперь въ Вѣнѣ, и продолжаетъ съ самымъ опличнымъ успѣхомъ предписывать приемы безконечно малые. Мы подверглись бы осужденію, если бы списокъ нашихъ собственныхъ наблюденій увеличили ссылками на излеченія мигрени, зубныя боли, боли въ горлѣ, и другіе недуги, которые однако же не бездѣлицы, если по правда, что говорилъ недавно одинъ ученый Докторъ, что всякое болѣзненное чувство, какъ бы ни легка была причина онаго, все же имѣетъ направленіе къ сокращенію нашего существованія. И всѣ тѣ исцѣленія были произведены крошечными пилюлями изъ сахара, которыя содержали въ себѣ лекарства, можетъ быть, децимліонную часть грана.

Но ежели бы даже, вопреки всѣхъ сихъ событій, Омеопапія была ложною, то не менѣе желательно бы было, чшобы тѣ, которые имѣютъ пагубную привычку сами себѣ давать лекарспва, вѣрвали въ испину сего ученія. Оно имѣло бы по крайней мѣрѣ выгоду не увеличивать многочисленность жерпвъ домашнихъ ашпекъ. Незапруднительность перевоза Омеопапической Фармакопей составляетъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ ея свойствъ. Въ сіе самое мгновеніе передъ глазами нашими сафьянный фушляръ, полциною въ карманную Библию, и въ немъ восемьдесятъ чепыре спкляночки съ омеопапическими пшюлями, доспапочными для врачеванія экипажа цѣлаго линѣйнаго корабля во все время пупешествія кругомъ Свѣша.

Сии событія и множеспво другихъ, на которыя мы могли бы сослаться даже послѣ личныхъ нашихъ наблюденій, кажется, доказывають дѣйспвительность малыхъ пріемовъ. Число и извѣспность исцѣленій, симъ способомъ произведенныхъ, составляетъ большое запрудненіе для пропивниковъ Омеопапіи. Равное число несчастныхъ врачеваній было бы лучшимъ опвѣсомъ, который могли бы сдѣлать всей системою Ганемана. Но мы ничего подобнаго не нашли во всѣхъ возраженіяхъ пропивъ Органона. Казусъ Кня-

зя Шварценберга естъ единственный, Аллопаписами прошивовыставляемый (*). Сей знаменитый мужъ, посовѣтовавшись съ Докпоромъ Маренцелмеромъ, пріѣхалъ въ Лейпцигъ, чпобы совѣщаться съ самимъ великимъ Ганеманомъ. Князь жилъ въ самой поѣ комнапѣ, въ которой жилъ Король Саксонскій въ 1813 году, и умеръ въ самое годовое число, въ которое онъ прежде овладѣлъ симъ знаменитымъ пѣнникомъ. Правда, что Докпоръ Саксъ внушаетъ, будто Ганеманъ въ своей практикѣ даетъ приемы бѣльшіе, нежели пѣ, какъ онъ въ книгахъ своихъ означаетъ, и что онъ удалился въ Кѣшенъ, нынѣшнее его пребываніе, для избѣжанія преслѣдованій, законами Саксонскими дозволяемыхъ прошивъ Медиковъ, которые сами составляютъ лекарство. Онъ прибавляетъ, что одинъ изъ его учениковъ, бывши допущенъ дѣлать

(*) Выводятъ еще другое событіе, но въ видѣ шутки. Одна дама, пользовавшаяся практикомъ Омеопатистомъ, сдѣлала важный проступокъ пѣмъ, что умерла на зло его предписаній. Пораженный таковою неправильностію, получилъ онъ позволеніе осмотрѣть пѣло, но къ живѣйшему его удовольствію, нашелъ въ пустотѣ одного сгнившаго зуба омеопатическія пилюли, которые излечили бы больную, если бы достигли мѣста своего назначенія.

предписанія въ госпиталяхъ Берлинскихъ, подъ надзоромъ Коммиссіи, Королемъ назначенной, былъ подмѣченъ въ томъ, что онъ покушался обмануть бдительность членовъ оной, и старался давать больнымъ лекарства тайкомъ, но Омеопатія не должна быть въ отвѣтственности за случайные пропуски неискусныхъ или неправодушныхъ ея апостоловъ. Если бы была какая правда въ причинахъ удаленія Ганемана, какъ же шесть Медиковъ, слѣдующихъ его мѣждоу, могли бы въ Лейпцигѣ спокойно продолжать свое ремесло, бывъ окружены цѣлою арміею Докторовъ Аллопатистовъ, между которыми находились Профессоры Университета?

Омеопатія насмѣивается о дѣлѣ столько же, какъ и о лекарствахъ, и въ семъ случаѣ мы должны признаться, что она приняла правила совершенно здраво разсудительныя. Прежнія всѣ наставленія о дѣлѣ вообще написаны людьми, у коихъ пищеварительные органы разстроены, и которые предполагаютъ, что и оспальной родъ человеческой въ томъ же положеніи, какъ и они. Такой хворый, который не можетъ въ желудкѣ переварить коровьяго масла, ни лежа на лѣвомъ боку, будетъ намъ совѣтовать ложиться на правый бокъ и воздерживать

вапсья [опъ вышеупмянуаго пріятнаго про-
 изведенія нашихъ скопныхъ дворовъ. Но
 нѣтъ всемірнаго правила для желудковъ, и
 Ганеманъ не искалъ установитъ такоаго.
 Онъ замѣчаетъ, что когда больной прини-
 маетъ его лекарства, онъ долженъ избѣ-
 гать всего, что можетъ проиводѣйстви-
 вать, и слѣдовательно воздерживатьсь отъ
 всѣхъ веществъ, имѣющихъ врачебныя свой-
 ства. По сей-то причинѣ онъ строго запре-
 щаетъ всякія пряности, горчицу, лекарствен-
 ныя травы, и многія распенія, какъ-то,
 лукъ, спаржу, свеклу и рѣпу. Онъ запре-
 щаетъ упокъ, гусей, очень молодыхъ цы-
 плятъ, молочнаго пеленка, ягнятъ, свинину,
 и всѣ кушанья слишкомъ жирныя и слиш-
 комъ соленыя. Онъ также возстаетъ про-
 пивъ ликеровъ, спиртовъ, слишкомъ крѣп-
 кихъ винъ, кожицы и зеренъ фруктовыхъ;
 употребленіе куреній и духовъ и шерсти,
 прямо на пѣлъ носимой, также имъ запре-
 щены. Онъ не меньше проивникъ всякаго
 рода кровопусканій; предославляетъ боль-
 нымъ мыться вдоволь, не запрещаетъ ван-
 ны и бани. Усталости умственныя или пѣ-
 лесныя, заботы, горесныя воспоминанія
 должны быть тщательо избѣгаемы, также
 какъ залы спектаклей и концертовъ, и во-
 обще всѣ собранія, черезчуръ возбуждаю-

щія. Неловкій прислужникъ и бранчивая жена означены также, какъ очень препятствительными успѣхами омеопатическихъ исцѣленій. Насъ дрожь беретъ прибавить, что чай и кофе въ числѣ запрещенныхъ спятей. Онъ ни какой пощады не даетъ кофе, ибо написалъ цѣлую книгу объ его смертоносныхъ свойствахъ, и если правда, что двое изъ величайшихъ людей нашего вѣка, Наполеонъ и Лордъ Байронъ, умерли жертвою онаго, то нельзя и не быть его мнѣнїя. Но мы имѣемъ нѣкоторыя утѣшенія для Британскихъ пшуховъ чая. Оный Нѣмцамъ запрещенъ потому, что они его такъ мало пьютъ, что онъ дѣйствуетъ на ихъ шлосложеніе, какъ лекарство. Мы и въ здѣшней странѣ знали нѣсколькихъ особъ, которыя отказывались отъ чашки превосходнаго чаю, оправдая вѣжливо, что онъ не чувствуютъ себя нездоровыми, и благодаря за вниманіе, имъ оказываемое; но что касается до насъ, зашарѣлыхъ пшуховъ Кипайской наспойки, намъ предписываютъ ее пить только слабою и по одному разу въ день.

Впрочемъ, списокъ позволенныхъ яствъ очень значителенъ: говядина, баранина, двухмѣсячная шеляпа, взрослая цыплята, индѣйка, дичь, рыба, картофель, горохъ, бобы, шпинатъ, сарачинское пшено, пшеница, ячмень,

макароны, легкія вина, фрукты, шоколадъ, молоко, коровье масло, сыръ, когда онъ не очень спаръ, и много другихъ свѣдей позволены, когда не сущесвуесть особой идизинкразіи для воспрещенія оныхъ. Мы прибавимъ, что мы три дня сряду обѣдали за однимъ иностраннымъ споломъ, коего изобиліе съ прудомъ можно было бы превзойти въ Англіи, и гдѣ однако же всякое блюдо было согласно съ правилами омеопатическими.

Въ семъ отношеніи Докторъ Саксъ обвиняетъ Ганемана также въ неосновательности. Кажется, въ прежнія времена Ганеманъ былъ чрезвычайной снисходительности въ діетѣ. Напримѣръ, онъ женщинъ въ родахъ уполномочивалъ пить вина, пива и кофе душемѣрою, а нынѣ, напропивъ, онъ воспрещаетъ даже побудительное средство (stimulans) о-де-лаванда. Мы уже сдѣлали настоящую оцѣнку упреку въ неосновательности, когда разсуждали о мелкокрошечности приемовъ. Съ другой стороны Гейнротъ оуждаетъ и отвергаетъ Омеопатическую діету, во первыхъ потому, что она не новая, и наконецъ за то, что она не довольно положительно руководствуетъ означеніями своими; но Ганеманъ имѣлъ цѣлю о семъ предметѣ сдѣлать единственно отрицательныя предписанія, и онъ такъ изъясняется: „Вы не

должны ничего ни дѣлать, ни пить, ни ѣсть, что бы было пропивно дѣйствію моихъ лекарствъ. Впрочемъ вы можете слѣдовать всѣмъ вашимъ желаніямъ по вкусу вашему, только чтобы оныя не были вредны вашему пѣтлосложенію.“

Очень спранно, что осудивъ діету, Ганеманомъ предписываемую, Докторъ Гейропъ въ ней-то самой находить причину чудесъ, Омеопатіею пворимыхъ. Таковы четыре способа, коими онъ исполковываетъ сія чуда: I. Сія система можетъ дѣйствовать, какъ средство, надеждовозбудительное (*methodus expectativa*), недѣлающее никакого насилія организаціи, оспавляя открытое поле сильному напряженію напуры, или также потому, что болѣзненная чувствительность нервной системы пребуешь малаго числа лекарствъ, напримѣръ усыпительныхъ, которыя играютъ очень важную роль въ веществахъ лекарственныхъ Ганемана, а свойства ихъ далеко еще не совершенно постигнуты. Сія правила были уже означены Броунномъ; оныя могутъ быть прилагаемы тогда, когда существуетъ сильное раздраженіе; но въ болѣзняхъ, которыя не просто нервическія, они могутъ сдѣлать много вреда, а особенно въ воспаленіяхъ. Но для чего не приводитъ Гейропъ примѣровъ сихъ опасныхъ

дѣйствій? Сіе пѣмъ бы нужнѣе было, что ученики Ганемана утверждаютъ, что въ воспалипельныхъ-по болѣзняхъ ихъ метода особенно полезна. — II. Живѣйшія надежды, возбужденныя въ больномъ пѣмъ довѣріемъ, которое онъ имѣетъ къ новымъ средствамъ, могутъ быть причиною исцѣленія. — Пусть такъ; но сіи причины не существуютъ для младенцевъ и сумасшедшихъ а увѣряютъ, что и имъ часто было возвращено здоровье Омеопатіею. — III. Исцѣленія могутъ только казаться таковыми, и имѣть послѣдствія губельныхъ рецидивовъ. — Мы повторимъ опять; для чего не представимъ сему примѣровъ? Князь Шварценбергъ умеръ, это правда; но увѣряютъ, что онъ былъ уже въ опчаянномъ положеніи прежде, нежели опнесся къ Ганеману. По истинѣ, если бы рецидивы случались часто съ больными, сею системою лечимыми, то Докторъ Гейнротъ нашелъ бы многочисленныя примѣры въ Лейпцигѣ, гдѣ, при народонаселеніи 42,000 душъ, находилса шесть Медиковъ Омеопатистовъ. IV. Діета можетъ быть главнѣйшимъ производилемъ всѣхъ сихъ чудесъ. — Мы изъ исторіи сараго Корнаро и многихъ другихъ, знаемъ, сколь велики дѣйствія удобно производимъ постоянное и наспойчивое вниманіе къ діетѣ; но хотя въ хроническихъ болѣзняхъ, въ

копорыхъ Омеопатія пребуесть нѣсколько мѣ-
слцевъ и даже нѣсколько годовъ для произведенія
своихъ исцѣленій, содѣйствіе діеты можесть
быть полезно; но къ чему можесть она бытъ
пригодна въ врачеваніи оспрыхъ болѣзней, въ
копорыхъ не нужно болѣе дня, а иногда и
меньше, для произведенія дѣйствія омеопати-
ческимъ лекарствомъ, и для совершеннаго ис-
цѣленія больному. Можно изъ сего видѣть,
что оно составляетъ полное событіе изрѣ-
ченія Целесіусова: скоро, вѣрно и пріятно
(cito, tuto et jucunde).

На Ганеманову Исторію хроническихъ
болѣзней мы не можемъ обратишь всего вни-
манія, каковое она заслуживаетъ въ ней на-
ходящимися изысканіями, и прозорливостію,
каковую онъ въ ней раскрываетъ; онъ мно-
гочисленные сего рода припадки приписы-
ваетъ какимъ нибудь болѣзнетворнымъ па-
рамъ (miasma), которые въ то или другое
время заразили нѣмосложеніе, и всѣ сіи при-
падки раздѣляетъ на разряды; и по ихъ про-
исхожденію означаетъ подѣ прѣмя важными
названіями: венерическая (siphilis), фигообраз-
ные наросты (sicosis), и парши (psora), пер-
вые два считая только разновидностями ве-
нерической болѣзни, и названія послѣднихъ
присвоивая многочисленному разряду накож-
ныхъ сыпей, начиная отъ проказы и до ко-

росты, и думаетъ, что осьмая часть хроническихъ болѣзней имѣютъ начало отъ венерическихъ заразы, а остальные семь осмыхъ происходятъ отъ паршей.

Парши (psora) составляютъ собою древнѣйшій, и въ то же время самый плодущій изъ всѣхъ сихъ источниковъ болѣзней. Древніе историческіе памятники представляютъ ихъ чрезвычайно распространенными. Моисей говоритъ о многихъ родахъ сей болѣзни. Она была извѣстна Грекамъ, также Израильянамъ, Аравіянамъ и Европейцамъ средняго вѣка. Въ семь послѣднемъ періодѣ она являлась долго въ видѣ огня Святаго Антонія (лишаевъ); при возвращеніи изъ Крестовыхъ походовъ, она приняла еще спрашнѣйшій видъ проказы, и такъ распространила свои опустошенія, что въ 1226 году, въ одной Франціи было двѣ тысячи госпиталей для прокаженныхъ. Привычки болѣе образованныя и болѣе средствъ къ чистоплотности такъ уменьшили наружныя оказательности сей болѣзни, что въ концѣ пятнадцатаго вѣка, точно въ то время, когда сифилисъ (венерическая болѣзнь) начала появляться, наружныя признаки псоры (паршей) приняли болѣе милосливую форму сыпей. Но сіи миазмы не менѣе того остались опаснѣйшими и наиболѣе распространенными; встрѣчаютъ

ихъ не въ однихъ госпиталяхъ, фабрикахъ, шюрмахъ, сихъ пріюпахъ, гдѣ сполпляются бѣдники, но даже въ чертогахъ великолѣпнѣйшихъ и опдаленнѣйшихъ отъ сообщенія, во дворцахъ владѣтелей, такъ какъ въ пусыняхъ опшельника. Хроническія болѣзни, отъ нихъ происпекающія, соспоютъ изъ различныхъ родовъ, и имѣютъ разныя степени дѣйствія и силы, а имя ихъ легионъ. До пяти сотъ признаковъ вычислены въ описаніи объ нихъ Ганемановомъ, и изрѣченія общенародной Папологии, по которой ихъ безъ полку распорядили въ видѣ опличныхъ между собою болѣзней, далеко еще не исчерпали всѣхъ измѣненій сего споглаваго чудовища.

Врачеваніе, досель упопреляемое для леченія паршей, по мнѣнію Ганемана, совершенно было ошибочно. Слишкомъ общеспвенно разсуждали о сыняхъ, какъ и о мѣстныхъ болѣзняхъ, основавшихъ свой пресполь на кожѣ, распостраняющихъ вліянія на остальную организацію, почитая, что оныя вѣрно и достапочно могли бытъ испреблены препаратами изъ сѣры, цинка, меркурія, и проч. Напрощивъ того, Ганеманъ утверждаешъ, что накомжныя части не что иное, какъ наружныя признаки болѣзни внутренией, во всю организацію проникнувшей, прежде нежели она обличаетъ себя на поверхности

пѣла. Изъ сего слѣдуетъ, что, принудивъ сіи наружныя означенія исчезнуть, внутренняя болѣзнь получаетъ пѣль болѣе силы, и ознаменовывается возраспаніе своего могущества формамъ многосложнѣйшими и наужаснѣйшими. Двадцать пять страницъ наполнены подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ сихъ ошибокъ; исчисленіе выведено изъ Исторіи Врачебной всѣхъ вѣковъ, начиная опъ казуса того Аекнянина, о которомъ упомянуто въ пятой книгѣ объ Эпидеміяхъ (*Epidemiōn*), который умеръ водяною болѣзнію опъ того, что уничтожили на немъ кожную болѣзнь теплыми ваннами минеральныхъ водъ въ Мелосѣ. Омеопатія нападаетъ на псору (парши) во всѣхъ ея видахъ, и во всѣхъ ея измѣненіяхъ; и увѣряютъ, что оное врачеваніе очень дѣйствительно въ излеченіи всѣхъ сихъ разрядовъ хроническихъ болѣзней, а равномерно и въ исцѣленіи венерической болѣзни (*syphilis*), фигообразныхъ наростовъ (*sycosis*) и всей ихъ гнуснострашной семьи.

Мы симъ заканчиваемъ наше изложеніе объ ученіи и дѣйствіяхъ Омеопатіи, а пѣхъ чашапелей, которые бы желали о ней имѣть болѣе изыскательное познаніе, обращаемъ на сочиненія, изданныя ея основателемъ.

Названія сихъ его важнѣйшихъ сочиненій:

1-е Organon der Heilkunst, von Samuel Hahnemann. Dresden und Leipzig in 8 1829.

2-е Die chronischen Krankheiten, ihre eigenthümliche Natur, und homöopathische Heilung, von Hahnemann. Dresden und Leipzig. 3 Bände in 8 1828.

3-е Keine Arzneimittellehre von Samuel Hahnemann. Dresden. 6 Bände in 8. 1822-1827.

III.

И С К У С С Т В А.

АМЕРИКАНСКІЙ СПОСОБЪ ЧИСТОПИСА-
НІЯ.

Николай Бернулли представилъ, въ началъ минувшаго года, Базельскому Обществу Соревнователей общественной пользы (Die Gesellschaft des Guten und Gemeinnützigem) слѣдующее донесеніе о новой методѣ писанія, названной, по ея изобрѣшателю, *Одойеровскою*.

Изобрѣшатель сей методы, родомъ Французъ, приобрѣлъ себѣ оплчннй почеркъ безъ особеннаго о томъ старанія, и въ бытность свою въ Америкѣ удивлялъ всѣхъ чистотою,

красивостію и скоростію своего писанія. Эпо побудило его усовершенствоваться еще болѣе, и сдѣлаться учителемъ числописанія. Возвратясь во Францію, получилъ онъ дипломъ на изобрѣшеніе, введеніе и усовершенствованіе своей меподы и, ободряемый со всѣхъ споронъ, спалъ учить оной съ большимъ успѣхомъ.

Основаніемъ сей меподы служитъ большая свобода въ движеніяхъ рукою, и первое условіе оной состоитъ въ томъ, чпобъ кисть руки не лежала на бумагѣ, а была поднята и чрезъ то могла свободно дѣйствовать. Принимая сію меподу, нельзя отвергать достоинства другихъ, уже укоренившихся, но легко представилъ себѣ, чпю самый бойкій вписязь на шурнирѣ, не въ состояннн произвести того сидя, чпю другою, гораздо слабѣйшей, сдѣлаеть сполн. Самая употребительная мепода до сихъ поръ была та, чпобъ рука лежала пвердо на бумагѣ, съ загнуемыми двумя нижними пальцами, передвигался только время отъ времени шуда и сюда, при чемъ перо, схваченное према другими пальцами не очень крѣпко и далеко отъ раскепа, имѣеть доспапочный росчеркъ. По новой меподѣ, кисть руки должна держаться только на двухъ нижнихъ пальцахъ, не прикасаясь, кромѣ того, ни сколько къ бумагѣ. Вся рука

должна бытъ поднята, только локопъ имѣетъ опору на сполъ. Опъ сего кисть руки не ползаетъ по бумагъ, а свободно надъ нею двигается. Перо надобно уже держать крѣпко и какъ можно ближе къ раскепу; согнутый большой палецъ упираетъ его въ оба ближайшіе къ нему пальца, которые должны бытъ протянуты прямо вдоль пера по линіи раскепа. Такимъ образомъ и самая слабая рука можетъ легко управлять перомъ, потому что крѣпко его держитъ, а пальцы, которыми оно схвачено, движутся по естественному своему направленію, тогда какъ вся кисть руки, стоя, пускаетъ перо туда и сюда совершенно свободно, и не только по направленію спроки опъ лѣвой руки къ правой, но при каждой буквѣ по вправо, по влѣво, а между тѣмъ орудія ручной кисти, если можно такъ назвать большой и два ближайшіе къ нему пальца, которыми держится перо, безпрестанно имѣютъ только одно движеніе къ верху и къ низу.

Какъ солдатъ на походѣ, заряжая ружье и припомъ дѣлая движеніе ногами и руками вмѣстѣ, опъ соединенія обонхъ сихъ движеній несравненно легче поворачиваетъ ружьемъ, такъ и перо удобнѣе черпаетъ опъ одновременнаго движенія схватывающихъ и опирающихся пальцевъ. Напримѣръ, если перо пи-

шесть *O*, то пальцы опирающіеся идуць влѣво, а схватывающіе ведутъ черту сверху внизъ; потомъ, когда эти поднимающіе къверху, опирающіеся опходятъ вправо; чрезъ упражненіе должны оба сіи движенія сдѣлаться между собою согласнѣе, такъ, чѣмъ не упреждало одно другаго, ибо, если бѣ сіе случилось съ пальцами схватывающими, то буква вышла бы слишкомъ длинна и оспра; когда же, напрошивъ, поспѣшили бы пальцы опирающіеся, то она вышла бы слишкомъ широка.

И такъ первое упражненіе по сей методѣ должно состоять въ томъ, чѣмъ причипъ пальцы къ согласному между собою дѣйствію вышензложеннымъ образомъ, и чѣмъ зашвердѣвшимъ опѣ всегдашняго лежанья и ползанья по бумагѣ мускуламъ ручной кисти дасть навыкъ къ содѣйствію въ работѣ. Это споль непривычное дѣло для сихъ мускуловъ, чѣмъ въ началѣ, когда попишешь часа два симъ новымъ способомъ, непременно почувствуешь на оборотѣ ладони, къверху ручной кисти, родъ судороги, которая однако скоро проходитъ, и тогда рука въ поднятномъ положеніи дѣйствуетъ весьма легко и свободно. Но весьма важно то, чѣмъ такое сжатіе мускуловъ, оказывающееся чрезъ судорогу, не взяло какого нибудь ненадлежащаго

направленія, почему и надобно, чтобъ учитель умѣлъ показати, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ для каждой руки производить различныя по сей методѣ упражненія. Самыя первыя задачи въ семь родѣ уже таковы, что ихъ при обыкновенномъ лежачемъ положеніи руки почти нельзя выполнить, тогда какъ ученикъ, держа руку споймя, выполняетъ съ большою легкостію. Непринужденное движеніе рукою и видимые успѣхи производятъ то, что ученикъ совсѣмъ не чувствуетъ скуки, какую нерѣдко замѣчаютъ при обыкновенномъ ученіи числѣписанію. О себѣ самомъ скажу я, что вмѣсто тяжкой работы, какою для меня было прежде писаніе, сдѣлалось оно самою легкою игрою руки, которая почти ни сколько не упоминаетъ, а еще напрошивъ того, по чувству легкости и скорости, съ какою идетъ дѣло, доставляетъ истинное удовольствіе.

Гдѣ нужна въ особенности красивость почерка, тамъ можетъ быть отдано преимущество прежнимъ методамъ; но гдѣ при томъ нужна и скорость, то для сего Американская методѣ наиболее пригодна, и нѣтъ сомнѣнія, что рука многихъ людей, которые по другимъ методамъ никакъ не могли пріобрѣсти скорости и однообразія почерка, несравненно улучшился, если примутъ они

сей новый способъ. Другія методы большею частію пребууютъ того, чтобы для красиваго почерка писать съ нѣкоторою спарашельностію, послѣ чего, въ скорописи, красивость хопя много измѣнилася, но не вовсе исчезаетъ. Напротивъ того, употребляя Американскую методу, можно писать довольно скоро и въ то же время поправлять свой почеркъ, ибо рука опъ скорости уже ничего не теряетъ, а пріобрѣтаетъ болѣе ловкости и твердости. И такъ, кромѣ настоящаго красиваго чи-стописанія, во всѣхъ другихъ случаяхъ я считаю сію методу весьма полезною. Какъ часто жалуются молодые люди, что должны будучи по необходимости скоро писать, теряютъ свой красивый почеркъ, часто съ большимъ трудомъ пріобрѣтенный, или студены — что уроки превосходнѣйшихъ учителей спановятся имъ пляжки единственно опъ необходимости поспѣшнаго записыванія. Множество такихъ жалобъ прекратилось бы, если бь распространилось употребленіе новой методы. Кто во время писанія долженъ думать, для того всегда весьма затруднительно обращать въ то же время вниманіе на перо, и тѣмъ прерывать рядъ своихъ мыслей; почему такіе люди по большей части небрегутъ своимъ почеркомъ, и онъ спановится наконецъ вовсе неразбор-

чивъ. Для нихъ конечно будетъ пріятна такая мѣтода, копорая, при большой легко-спии письма, сама собою даетъ черпы швер-дыя и разборчивыя. Въ важнѣйшихъ обще-спвенныхъ дѣлахъ чрезвычайно много зави-сипть опъ пого, разборчиво ли написаны принадлежащія къ дѣламъ бумаги, и чипаю-щій оныя долженъ ли, вмѣспъ съ мыслями, напрягать и глаза свои или нѣпть. Многое залеживается единспвенно опъ пого, чпо дѣлопроизводитель, при первомъ взглядѣ на бумагу, опкладываетъ ее съ непріятнымъ чувспвомъ въ спорону. Особенно же важна сія мѣтода для дѣлъ поргующаго класса лю-дей. Иногда молодой человекъ располагаетъ въ свою пользу и наружноспію, и характеромъ и другими добрыми качествами, и даже пи-шетъ красиво, но не имѣетъ скорого купе-ческаго почерка, и по этому его съ сожалѣ-ніемъ опвергаютъ. Иной бухгалтеръ весьма поченъ въ своихъ дѣлахъ и расписываетъ свои книги и табели съ большимъ вкусомъ, пакъ чпо индѣ крупный, индѣ же мелкій почеркъ весьма нравятся для глазъ; но это спощь ему очень многого времени, ибо онъ однимъ и пѣмъ же перомъ долженъ писать чрезвычайно рачипельно и медленно; когда же онъ могъ бы употреблять новую мѣтоду, то сберегъ бы сполько времени, чпо могъ

бы взять на себя еще какое нибудь дѣло въ конпорѣ.

Съ Нѣмец. Вл.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Н И Д Е Р Л А Н Д Ы.

Въ засѣданіи Второй Палаты Генеральныхъ Штатовъ 25 Января, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ читалъ возраженіе Короля на протоколъ Лондонской конференціи 9 Января, въ которомъ Е. В. протестуетъ противъ мѣры, принятой Уполномоченными пяти Державъ касательно открытія плаванія по Шельдѣ, и объявляетъ, что въ случаѣ неисполненія или нарушенія обязанностей, возложенныхъ тѣмъ же протоколомъ на Временное Правительство Бельгіи, и въ случаѣ замедленія конференціи въ употребленіи силы для принужденія сего Правительства, Е. В. предоставляетъ себѣ воспользоваться своимъ правомъ и возстановить мѣры предосторожности на Шельдѣ и блокаду съ моря; Е. В. равномѣрно поступитъ такъ же и въ томъ случаѣ, если бы постановленіе основаній отдѣленія Бельгіи подверглось какой либо неожиданной отсрочкѣ.

Баронъ Дюранъ де Марейль, Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ Е. В. Короля Французовъ, прибылъ въ Гагу, и 27-го Января имѣлъ пріемную аудіенцію у Короля,

Герцогъ Саксенъ-Веймарскій, произведенный Королемъ въ Генераль-Лейтенанты, отправился въ Луксенбургъ, въ качествѣ Губернатора сего Великаго Герцогства.

Еще нѣшъ офіціальныхъ извѣстій о томъ, оставили ли Бельгійцы свои позиціи подъ Масприхпомъ; по частнымъ же извѣстіямъ, они ополжи отъ крѣпости на часть пуши, и тогда солдаты толпами начали дезертировать.

Национальный Конгрессъ въ Брюссель, въ зазданіи 26-го числа, принялъ финансовый законъ, въ слѣдствіе предложенія Г. Брукера, по которому поземельная подать за вторую половину настоящаго года будетъ собрана, въ томъ же количествѣ, какъ и за первую, къ 1-му числу Апрелья; тѣмъ же, которые внесуть оную ранѣ 15 Марша, сдѣлана будетъ уступка 4-хъ процентовъ.

Въ зазданіи 27-го числа читанъ отчетъ о прошеніяхъ, поданныхъ Конгрессу касательно избранія Главы Государства; изъ онаго явствуешь слѣдующее: о присоединеніи къ Франціи просили отъ } 1200 до 1300 жителей, большею частію изъ Вербье; противъ онаго 60 жителей Брюсселя; за Ла-файешта, Фавье, Себастіани или Шатобріана, Принца Кариньянскаго, Эрцгерцога Карла Австрійскаго, Сюрле де Шокье, Карла Рожье, Папу, Феликса Мерода, подано по одному прошенію; за

какого ибудь шуземнаго Принца 105 голосовъ; за Принца Опшона Баварскаго и за Герцога Рейхсшпатскаго по 3 прошенія, за Принца Сальмъ-Сальмъ 268 голосовъ; за Герцога Немурскаго 600 голосовъ; за Короля Французскаго, съ Вице-Королемъ, 508 голосовъ; за Герцога Лейхтенбергскаго 3,257 голосовъ

Въ засѣданіи 28 числа, поданы еще прошенія за Герцога Лейхтенбергскаго, около 1300 голосовъ. Конгрессъ принялъ проектъ закона касательно избранія Главы Государства, въ силу коего голоса будутъ подаваемы на запискахъ, кои будутъ разбираемы публично и читаны вслухъ. Большинство голосовъ для избранія назначено 101; если не окажется онаго по первой баллотировкѣ, то сдѣлана будетъ вторая; если же послѣ прехъ разъ ни одинъ изъ кандидатовъ не соединитъ въ свою пользу 101 голоса, то будетъ присуплено къ баллотировкѣ между двумя кандидатами, имѣвшими наиболѣе голосовъ въ послѣдній разъ.

Въ засѣданіи 29-го числа, читана выписка изъ протокола Лондонской конференціи 20-го Января. Содержаніе оной въ сущности слѣдующее: Уполномоченные пяти Державъ, получивъ свѣдѣніе о мѣрахъ, принятыхъ воюющими сторонами для приведенія въ исполненіе перемирія, и почитая необходимымъ опредѣлить границы, долженствующія отдѣлять Бельгію отъ Голландіи, разсмотрѣли сдѣланныя имъ съ обѣихъ сторонъ на сей счетъ предложенія, и согласились въ слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Границы Голландіи будутъ заключать въ себѣ всѣ земли, крѣпости,

города и мѣста, которыя принадлежали бывшей Республикѣ Соединенныхъ Обласпей въ 1790 году. 2) Бельгію составяшъ все прочія земли, которыя, по трактату 1815 года, названы Королевствомъ Нидерландскимъ, исключалъ Великое Герцогство Луксенбургское, которое, принадлежа Нассаускому Дому по другимъ правамъ, будетъ и впредь принадлежать къ Германскому Союзу. 3) Распоряженія спашей 108 до 117 включительно акта Вѣнскаго Конгреса, касательно свободнаго плаванія на судоходныхъ рѣкахъ, должны опносятся и къ рѣкамъ, протекающимъ чрезъ Голландскія и Бельгійскія земли. 4) Поелику изъ 1 и 2-го пункшовъ послѣдовало бы, что Голландія и Бельгія владѣли бы землями, заключенными во владѣнїяхъ другой, то старанїями пяти Державъ произведены будутъ мѣны и сдѣлки, для доспавленія имъ взаимной выгоды совершенно нераздѣльныхъ владѣнїй и свободнаго сообщенія между городами и рѣками, заключающихся въ ихъ границахъ. — Для упроченія мира и явленія въ наспоющемъ видѣ правилъ полишики пяти Державъ, Уполномоченные полагають, что онѣ для собственной выгоды, для добраго согласія между собою, для спокойствія Европы и для совершенія намѣренїй, означенныхъ въ протоколѣ 20-го Декабря, должны сдѣлать торжественное объявленіе и дать несомнѣнное доказательство швердой ихъ рѣшимости, не искашь въ устройствѣ дѣлъ Бельгїи и въ случаяхъ, могущихъ еще представиться, ни какого увеличенія владѣнїй, ни какого исключительнаго вліянїя, ни какой отдѣльной выгоды, и дать Бельгїи и всемъ сосѣднимъ землямъ наилуч-

шее ручательство въ спокойствіи и безопасности. Въ слѣдствіе сихъ правилъ и въ сихъ благодѣтельныхъ намѣреніяхъ, Уполномоченные рѣшились прибавить еще слѣдующія двѣ статьи: 5) Бельгія, въ опредѣленныхъ симъ протоколомъ границахъ, составитъ Государство поспоянно нейтральное; пять Державъ ручаются ей въ семь непрерывномъ нейтралитетѣ, равно какъ и въ цѣлости и ненарушимости ея земель въ означенныхъ границахъ. 6) По справедливой взаимности, и Бельгія обязана будетъ сохранять сей нейтралитетъ въ отношеніи ко всѣмъ Государствамъ, и ни какимъ образомъ не нарушать ни внутренняго, ни вѣшняго ихъ спокойствія. — По прочтеніи сего протокола, Г. Робо предложилъ назначить Коммиссію, которая бы представила Конгресу проектъ опредѣленія, сообразнаго съ выгодами страны, для сохраненія цѣлости Бельгіи (лѣвый берегъ Шельды, часть Лимбурга и Луксзбургга), поддержанія народнаго достоинства, и сильнаго протеста противъ иностраннаго вступленія. — До приступленія къ сужденіямъ объ избраніи Главы Государства, Конгресъ принялъ слѣдующій проектъ прокламаціи, которая будетъ обнародована по избраніи Короля: „Отъ имени Бельгійской націи, Народный Конгресъ опредѣляетъ: 1) Н... провозглашается Королемъ Бельгійцевъ, подъ условіемъ принять конституцію, которая будетъ составлена Конгресомъ. 2) Онъ вступитъ на престолъ не прежде, какъ по произнесеніи торжественно въ Конгресъ слѣдующей присяги: „Клянусь соблюдать конституцію и законы Бельгійскаго народа, сохраняя народную

независимость и цѣлостъ владѣній.“ — Въ концѣ засѣданія, Г. Виленъ чиналъ ному Графа Себастьяни къ Г-ну Брессону, оиъ 26 Января, въ которой оиъ увѣдомляетъ его, что Французское Правительство почтетъ избраніе Герцога Лейхтенбергскаго неприязненнымъ дѣйствіемъ прошиву Франціи, и предписываетъ ему немедленно выѣхать изъ Брюсселя, если бы Конгрессъ не принялъ въ уваженіе сего объявленія.

Проектъ протестаціи, представленный Конгресу въ засѣданіи 30 Января, въ сущности содержитъ въ себѣ слѣдующее: „Конгрессъ протестуетъ прошивъ всякаго назначенія границъ и прошивъ всякой обязанности, которая захотѣли бы предписатьъ Бельгіи безъ согласія ея народныхъ представителей. Въ семъ смыслѣ протестуетъ оиъ прошивъ протокола 20 Января, и ссылается на свое опредѣленіе 18 Ноября 1830, коимъ оиъ объявилъ независимость Бельгіи, исключая отношенія Луксенбурга къ Германскому Союзу. Оиъ ни въ какомъ случаѣ не откажется, въ пользу иностранныхъ Кабинетовъ, оиъ верховной власти, вѣренной ему народомъ; оиъ никогда не согласится на рѣшеніе, которое бы разрушило цѣлостъ страны и исказило народное представительство; оиъ всегда будетъ требовать оиъ иностранныхъ Державъ, чтобы оиъ не вмѣшивались въ дѣла Бельгіи.“ — Сію протестацію приказано напечатать и раздать Членамъ Конгресса для сужденія.

Изъ Люлпиха пишутъ оиъ 28 Января, что Генералъ Меллине объявилъ, что не оставилъ

позиціи своей подъ Масприхтомъ, пока не возстановится свободное плаваніе по Маасу мимо сей крѣпости.

Ф р а н ц и и.

Въ засѣданіи 36-го Января, Палата Депушатовъ приняла проектъ закона о подушномъ окладѣ и поземельной подати, о налогахъ на двери и окна, и на привилегіи. Въ засѣданіяхъ 27 и 28-го числа происходили въ Палатѣ пренія о дѣлахъ Бельгіи и Польши, по поводу вопроса, сдѣланнаго однимъ изъ Членовъ о поведеніи Министерства въ отношеніи къ онымъ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Графъ Себасіани, излагалъ миролюбивую политику свою, защищалъ принятыя Министерствомъ мѣры касательно къ Бельгіи. Г. Дюпенъ старшій сказалъ между прочимъ: „Мы хотимъ только спокойствія Франціи. Но какъ возвратишь ей оное? Неужели внесеніемъ войны на Кавказъ, на берега Чернаго моря, въ Польшу? Зачѣмъ хотимъ идти на помощь всѣмъ народамъ? Зачѣмъ хотимъ вездѣ налагать наше правленіе, наши законы?“

Королевскій Генераль - Адъютантъ Баронъ Ашаленъ избранъ въ Страсбургѣ въ Члены Палаты Депушатовъ, на мѣсто умершаго Бенжаменъ-Конспана.

Изъ Алжира пишутъ, ошъ 6-го Января, что Генераль Клозель въ скоромъ времени возвратишься во Францію, равно какъ и большая часть войска; въ Африкѣ останешся только нѣсколько полковъ подъ начальствомъ Генерала Бойе. Въ Алжирѣ начали формировать изъ всѣхъ жителей Народную гвардію, въ кошорую войдутъ и Французы; она назначена только для охраненія города.

22-го Января данъ въ Оперѣ великолѣпный балъ въ пользу бѣдныхъ; на ономъ присутствовалъ Король со всею Фамилією; сумма, собранная по подпискѣ, простирается до 140,000 франковъ.

Сынъ Мармонтеля, Исторіографа Франціи, умеръ 17-го Декабря въ нищету, въ Нью-Йоркской больницѣ.

Въ печеніе 1850 года, на Парижскихъ Театрахъ представлено 169 новыхъ піесъ, въ сочиненіи коихъ участвовали девять композиторовъ и 144 Автора.

Издатели Revue Britannique подавали жалобу на Издателя Газеты Voleur за похищеніе страницъ, который и осужденъ на 100 фр. пени, на уплату 500 фр. Издателямъ Revue, за убытки, и кромѣ того на отобраніе нумеровъ Газеты Voleur, въ коихъ находяшся перепечатки. Адвокатъ Издателей Revue сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Одинъ молодой человекъ (Г. Жирарденъ); ему едва 25 лѣтъ отъ роду, сказалъ самъ себѣ: „Нужно только немного смѣлости, чтобы подчинить себѣ свѣтъ; и такъ, смѣло, и я подчиню себѣ Литературу. Господа Писатели и Журналисты! я порабочу васъ; вы для меня будете работать, бодрствовать. Я буду собирать десятину съ плодородныхъ полей періодической Литературы.“ Что эпозъ молодой человекъ сказалъ, то и сдѣлалъ; новый баринъ, безъ сомнѣній по праву рожденія, а не по праву генія, онъ благороднымъ образомъ живетъ Литературою, ничего не дѣлая. — Кромѣ убытковъ, на вознагражденіе коихъ должно осудить его, должно назначить ему наказаніе, которое могло бы удержать литераторныхъ во-

ровъ. Прежде наказаніе было строго: Римскіе Императоры съкли книжныхъ воровъ и поддѣльчиковъ. Исторія среднихъ вѣковъ сохранила намъ примѣръ съченія стихокрада Фабрад'Юзъ. Мы не требуемъ, чтобы высъкли Г. Жирарденъ, хотя онъ и заслуживаетъ это; но если тѣлесное наказаніе запрещено законами, то можно наложить на сего молодого человѣка денежное, которое будетъ ему столь же чувствительнымъ.

А н г л і я.

Въ Дублинѣ задержаны еще нѣсколько лицъ, участвовавшихъ въ народныхъ собраніяхъ. Оконнелъ обвиненъ Большимъ Судомъ Присяжныхъ. На сѣверѣ Ирландіи умножается число оранжистовъ, для сопротивленія Оконнелю въ намѣреніи его произвести возмущеніе.

Правительство послушалось гласа публики, и помиловало всѣхъ виновныхъ въ разрушеніи машинъ, осужденныхъ Винчестерскою Коммиссіею на смерть; только двое изъ нихъ казнены; смертные приговоры, произнесенные и въ другихъ Графствѣхъ, утверждены въ той же соразмѣрности. Шумныя сборища совершенно прекратились; но поелку пожары еще продолжаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, шо принятыя уже мѣры противъ безпорядковъ еще не опмѣнены.

Въ Единбургѣ составляется общество для споспѣшествованія законными способами преобразованію Парламента; основаніемъ для сего будетъ принято распространеніе права избирать, уничтоженіе такъ называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ, ограниченіе времени существованія Парламента, тайное подаваніе голосовъ при избраніи денуша-

шовъ, экономія во всѣхъ отрасляхъ государственныхъ расходовъ, уничтоженіе всѣхъ налоговъ на просвѣщеніе, и свобода торговли со всѣми народами.

Въ Веспминстерскомъ Аббатствѣ поставлена статуя Герцога Монпансье, брата Короля Французовъ; она сдѣлана извѣстнымъ скульпторомъ Веспмакотомъ, по заказу Лудовика Филиппа, бывшаго еще Герцогомъ Орлеанскимъ. Герцогъ Монпансье умеръ въ Англии въ 1807 году, на 32 году отъ ролу.

Въ Лондонѣ пріѣзжали депутаціи отъ жителей городовъ Брюсселя, Брюгге, Антверпена и Генша, чтобы просить Принца Оранскаго о принятіи Бельгійской короны; говорятъ, что на прошеніи 60,000 подписей.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Рима, Члены Конклава продолжаютъ благопріятствовать избранію въ Папы Кардинала Вельда; но сильная партія дѣйствуетъ въ пользу одного Австрійскаго Кардинала.

Пишутъ изъ Калькутты, что въ 72 Англійскихъ миляхъ на востокъ отъ Инда, и въ 30 или 40 на западъ отъ Гидаспа, подъ 33° 28' сѣвер. широты и 73° 15' воспоч. долготы, подъ фундаментомъ древняго зданія болѣе Греческой, нежели Индійской архитектурѣ, найдено болѣе 80 медалей, почти всѣ мѣдныя, и нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ, также кольца, сосуды съ жидкостями и пр.

(Изъ заграничныхъ Журналовъ. 6 Февралл.)